

УДК 821.09-3+398.21(4)

DOI 10.51955/2312-1327_2023_1_251

МЕТАЯЗЫК В СОВРЕМЕННЫХ НЕМЕЦКИХ ДИАЛЕКТНЫХ СКАЗКАХ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

*Вера Брониславовна Меркурьева,
orcid.org/0000-0002-1326-1002,
доктор филологических наук, профессор
Иркутский государственный университет,
ул. Ленина, 8
Иркутск, 664025, Россия
vbmerk@yandex.ru*

*Наталья Сергеевна Новолодская,
orcid.org/0000-0002-4685-9967,
Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
ул. Лермонтова, 110
Иркутск, 664074, Россия
indigos@mail.ru*

Аннотация. Объектом исследования статьи являются в своем большинстве современные немецкие сказки для взрослых на диалекте юмористического содержания. Размышления о языке, уточнение языковых моментов, замечания по поводу отдельных лексем, грамматических и стилистических явлений характерны для всех немецкоязычных писателей, работающих в разных жанрах. Современная авторская сказка как тип текста также отображает интерес ее авторов к отдельным языковым моментам. В статье анализируются примеры метаязыка, метакоммуникации на диалекте о диалекте, а также в отдельных случаях и о литературных или иноязычных вкраплениях. Изучаются разнообразные прагматические эффекты, создаваемые метаязыковыми пассажами в рамках текстотипа *сказка*.

Ключевые слова: диалект, литературный язык, авторская сказка для взрослых, метаязык, метаязыковая коммуникация, юмористический эффект.

METALANGUAGE IN MODERN GERMAN FAIRY TALES FOR ADULTS IN DIALECT

*Vera B. Merkuryeva,
orcid.org/0000-0002-1326-1002,
doctor of philology, professor
Irkutsk State University,
8, Lenina
Irkutsk, 664025, Russia
vbmerk@yandex.ru*

Abstract. The object of the article is mostly modern german humorous fairy tales for adults in dialect. Thoughts on the language, clarification of language points, comments on some lexemes, grammatical and stylistic phenomena are typical for all german-speaking writers working in different genres. A modern author's fairy tale as a type of text also reflects the interest of its authors in certain linguistic points. The article analyzes examples of metalanguage, metacommunication in dialect about dialect, as well as in some cases about literary or foreign-language inclusions. Various pragmatic effects created by metalanguage passages within the textotype of the fairy tale are studied.

Keywords: dialect, standard language, author's fairy tale for adults, metalanguage, metacommunication, humor.

Введение

Немецкоязычные писатели подобно лингвистам очень внимательны к родному языку и уделяют внимание в своих романах, повестях, рассказах, а зачастую и в стихах, отдельным его особенностям, например, звучанию, происхождению, семантике отдельных слов и т.д. Текстотип *авторская сказка на диалекте* не оказался исключением ещё и потому, что диалект является особенно любимым языковым проявлением немецкого языка, и интерес к нему никогда не угасал ни у лингвистов, ни у писателей, ни у простых граждан.

Современные авторские сказки на диалекте практически не изучались до настоящего времени, поскольку это достаточно сложный и малодоступный объект исследования. Нами выявлено, что такие литературные сказки представляют собой конгломерат всех форм существования немецкого языка и иноязычных (преимущественно английских) вкраплений.

Основой или языком повествования в авторских сказках для взрослых является диалект. Авторы создают сказки с учетом особенностей этого типа текста, зачастую пародируют и осовременивают народную сказку. Столь сложное языковое образование, безусловно, анализируется авторами, ими фиксируются и демонстрируются интересные моменты, касающиеся языка. Задачей статьи является выборка из нескольких сказок, написанных на разных диалектах, метаязыковых пассажей, их систематизация и интерпретация прагматического эффекта, производимого ими.

Материалы и методы

Статья охватывает несколько сказок современного авторского сказочного дискурса на диалекте. Материалом данной статьи послужили авторские сказки Франка Фодервестье, Тони Лауэрера, Людвига Бехштейна, написанные на гессенском, баварском и швабском диалектах. В статье были

использованы описательный метод, методы контекстуального, семантического и дискурсивного анализа.

Дискуссия

Впервые определение сущности «сказка» было предложено европейскими исследователями И. Больте и Г. Поливке. Авторы указывали, что сказка – «рассказ, основанный на поэтической фантазии, в особенности из волшебного мира, история, не связанная с условиями действительной жизни, которую во всех слоях общества слушают с удовольствием, даже если находят ее невероятной или недостоверной» [Пропп, 2000, с. 23]. Авторы выделяют три основных признака сказки – вымысел, поэтичность и развлекательность.

Советский филолог В.Я. Пропп предлагал следующее определение сказки и назвал его самым общим. По мнению автора, «сказка есть рассказ, отличающийся от всех других видов повествования специфичностью своей поэтики» [Пропп, 2000, с. 24]. Однако В.Я. Пропп отмечал, что данное определение не вполне раскрывает сущность сказки.

Задачей данной статьи не является анализ дефиниций термина «сказка». Заметим лишь, что наиболее интересное и точное определение высказывалось А.Л. Никифоровым. Автор отмечал, что «сказки – это устные рассказы, бытующие в народе с целью развлечения, имеющие содержанием необычные в бытовом смысле события (фантастические, чудесные или житейские) и отличающиеся специальным композиционно-стилистическим построением» [Никифоров, 1930, с. 7].

Существует множество классификаций сказок. По одной из классификаций, которую нам дает словарь лексических трудностей русского языка при определении понятия «сказка»: «сказка – повествовательное (народное или литературное) произведение о вымышленных событиях, иногда с участием волшебных, фантастических сил, сказки подразделяются на народные и авторские (литературные)» [Лексические трудности русского языка, 1994, с. 436]. Авторские сказки, в отличие от народных, имеют определенного автора, а адресаты авторской сказки чаще всего взрослые.

По мнению Н.А. Антоновой текст авторской сказки предстает как «сложный по своей структуре жанр, синтезирующий черты художественного и сказочного текстов. Он в полной мере проявляет такие свойства художественного текста, как художественная образность, единство и неразрывность художественной формы и содержания, целостность и интегративность, художественно-образную речевую конкретизацию, стилевое единство и многостильность художественной речи, отражение элементов других стилей, в частности, разговорно-бытовой речи, выступающих в художественной речи в эстетической функции, эмоциональность, экспрессивность, уникальность, оценочность, при общей доминанте художественно-эстетической функции» [Антонова, 2009, с. 19-20].

Результаты

После того, как мы кратко представили объект нашего исследования, авторскую сказку, обратимся к его предмету – метаязыковым вкраплениям. Большой энциклопедический словарь Языкознание следующим образом definiрует понятие *метаязык*: (от греч. мета – через, после) – язык «второго порядка», по отношению к которому естественный человеческий язык выступает как язык-объект, т.е. как предмет языковедческого исследования [Гвишиани, 1998, с. 297].

Мы будем также пользоваться термином *метакоммуникация*. Вслед за Н.С. Фатиной под метакоммуникацией мы понимаем эксплицитную вербализацию рефлектирующей деятельности человека по отношению к языку, к различным формам его использования [Фатина, 1998, с. 6].

Главной задачей метаязыка в художественном тексте считается осуществление успешной коммуникации [Волкодав, 1998, с. 57]. В современных авторских сказках, написанных на диалекте, коммуникация между автором и читателем происходит на диалекте, это сложный когнитивный процесс, и метакоммуникация является залогом его успешного протекания.

Авторы, пишущие на диалекте, на содержательном уровне обращаются к фактам языка. Такие свернутые речевые структуры, содержательно апеллирующие к фактам языка, О.А. Александров называет рефлексивами [Александров, 2022, с. 21]. Данный ученый занимается языком российских немцев, но его соображения и терминология, касающиеся метаязыковых процессов, вполне могут быть применимы и для художественного текста сказки.

В сказках на диалекте всегда большое внимание уделяется именам, содержащим диалектные компоненты. Приведем пример с именем *Knöpfleschwab* (буквально: *Клёцки-шваб*) из сказки Л. Бехштейна «Die sieben Schwaben» («Семь швабов»):

Knöpfleschwab war ein Mann, der verstand, gute *Knöpfe* oder *Spätzle* zu kochen, das ist im bayerischen Deutsch *Knödel*, und im sächsischen Deutsch *Klöße* [Bechstein, s.a.].

Это был человек, который умел хорошо варить клёцки (даются два обозначения этого понятия на швабском диалекте – *Knöpfe* или *Spätzle*). Кроме этого автор уточняет, что по-баварски они называются *Knödel*, а по саксонски – *Klöße*. Для немецких авторов, пишущих на диалекте, характерна популяризация диалектных наименований, в данном случае гастрономических блюд. Л. Бехштейн включает в сказочное повествование информацию кроме швабского наименования клёцек также баварское и саксонское, которые созвучны швабскому.

В сказке Т. Лауэра «Schneewittchen» (Белоснежка) автор даёт одному из гномов диалектное имя *Ohrlibohrli*:

Da *Ohrlibohrli* (des war da 6. Zwerg, *der hod dauernd mit sein Zeigefinger im Ohr bohrt, weilsna guckt hod*) [Lauerer, 2018, с. 13].

В скобках автор семантизирует сложное слово, содержащее два диалектных суффикса -li. Гнома прозвали Орлиборли из-за того, что он постоянно чесал в ухе указательным пальцем. Имя смешное уже благодаря семантике, говорящее, создаёт комический эффект вследствие двукратного употребления уменьшительно-ласкательного ареального суффикса, очень подходит именно гному, поскольку это человек небольшого размера и роста.

В сказке Тони Лауэра «Hänsel und Gretel» (Гензель и Гретель) есть эпизод метакоммуникации повествователя с читателем.

Повествователь как бы требует от читателя языковой догадки, объясняет ему, что означает слово *hirsteln*, приводит такое объяснение, не называя литературный эквивалент:

Wos, du woasst ned, wos *hirsteln* is? Des bedeit, da Herbst is vor da Tür gstandn, und es war nimmer so warm wie im Summer [Lauerer, 2018, с. 36].

Диалектный рефлексив помогает читателю догадаться, что *hirsteln* [Deutsch-Bairisches Wörterbuch, s.a.)]²⁷ это глагол *herbsteln*. Продолжим цитировать текст сказки:

I erklars dir blo, dassd wos lernst! Wos, du woasst aa ned, wos a *Reiser* is? Ja Mensch, muass i dir alls erklarn! Reiser, *des san kloane diirre Zweige, Reisig* hoassts aaf *hochdeutsch*! [Lauerer, 2018, с. 36].

Для диалектного слова *Reiser* приводится литературный эквивалент *Reisig* (хворост). Обращает на себя внимание форма метакоммуникации. Повествователь несколько свысока обращается к читателю на «ты», тон его общения поучительный: I erklars dir blo, dassd wos lernst! (Ich erkläre es dir bloß, damit du etwas lernst).

В этой же сказке [Lauerer, 2018, с. 43] повествователь семантизирует трудное для понимания слово *Antn* (Ente), которое затем повторяется и должно быть верно истолковано читателем.

Mittndrin is a weiße Antn, *Ente aaf hochdeutsch*, daherkema. De hamms gfragt, obs aaf ihr umeschwimma derfa und d'Antn war voll hilfsbereit und hods über des „große Wasser" transportiert [Lauerer, 2018, с. 41].

В сказке Ф. Фоддеравестье «Dornrösche un de böse Froschkönisch» (Спящая красавица и злой лягушачий король) повествователь описывает старых фей, которых король очень ценил. Появление старейшей из самых старых фей сопровождается словосочетанием *hold un gewooche* [*hold und gewogen*], она должна быть такой по отношению к принцессе [Fodderwestje F., 2017, с. 17]. Оба слова (литературное *hold* и диалектное *gewooche*) являются синонимами, означают *благосклонный*. Метаязыковой комментарий к этой диалектной формулировке – *wie mär so schee uff Altdhessisch säscht* (wie man so schön auf Althessisch sagt – как прекрасно говорится на древнегессенском). Форма слова *gewooche* [*gewogen*] не несёт, однако, никакой печати старины. Древнегессенский (старинный диалект) употреблен в одном контексте с появлением старейшей из фей и ещё раз напоминает, что сказка написана на гессенском диалекте. Altdhessisch

²⁷ Herbst – Hirscht.

(древнегессенский) употреблено по аналогии с Althochdeutsch (древневерхненемецкий – самая древняя форма немецкого языка, засвидетельствованная в письменном виде, охватывающая временной период с 750 по 1050 год)²⁸.

Это слово не применяется по отношению к диалекту, поскольку языковые особенности гессенского зафиксированы в немногочисленных теоретических источниках, а особенности древнегессенского не зафиксированы нигде по причине отсутствия древних письменных памятников на этом диалекте. Таким образом, выражение *wie man so schön auf Althessisch sagt* явно употреблено для красного словца, придает авторскому комментарию оттенок излишней патетики и вследствие этого создается юмористический эффект.

В сказке Т. Лауэра на баварском диалекте «Schneewitchen» (Белоснежка) есть такой эпизод: *Dann hods da Jaaga renna lassen und hod dafür a junge Wildsau gschoesn, a Wildsugerl praktisch, aaf hochdeutsch a Wildferkel, und dera ihra Lung und Leber da Königin mitbracht* [Lauerer, 2018, с. 11].

Злая королева приказала своему охотнику убить в лесу падчерицу, поскольку девушка стала со временем красивее её, а в качестве доказательства совершенного убийства принести легкие и печень убитой падчерицы. Охотник отпускает девушку по ее просьбе и убивает дикого поросенка, чтобы принести его органы королеве в качестве свидетельства того, что ее приказ выполнен. Т. Лауэрер использует баварское диалектное слово *a Wildsugerl* и приводит его литературный эквивалент *aaf hochdeutsch a Wildferkel*. Данная семантизация слова на литературном языке рассчитана, вероятнее всего, на читателя, не владеющего баварским диалектом.

Характеризуя метаязык в сказках, отметим, что доминирующим способом её проявления является семантизация слов. Однако акцент иногда делается на словообразовательные диалектные элементы, в частности, на диалектные суффиксы.

Так, в сказке Т. Лауэра «Schneewitchen» подчеркивается удивление Белоснежки при первом знакомстве с жилищем гномиков, где все было маленьким, как будто бы предназначено для маленьких детей: *Alles war blitzsauber, owa winzig kloa, wia für kloane Kinder! A kloans Tischerl, kloane Stuhlerln, kloane Becherln, kloane Tellerln, sogar de Semmeln aaf de Tellerln warn Semmerln!* [Lauerer, 2018, с. 12].

На диалекте перечисляется несколько существительных с ареальным суффиксом *-erl*: *A kloans Tischerl, kloane Stuhlerln, kloane Becherln, kloane Tellerln*, сам по себе суффикс является уменьшительно-ласкательным, но ещё перед каждым существительным стоит эпитет *kloan* (*klein*), что создает сказочный мир кукольной реальности, а завершающим штрихом является

²⁸ Древневерхненемецкий язык. Wikipedia [Electronic resource]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D0%B5%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%85%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D1%86%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA (accessed 15.01.2023).

метаязыковой комментарий: *sogar de Semmeln aaf de Tellerln warn Semmerln!* Даже булочки на тарелочках были крохотными. Если некто из читателей мог упустить это описание всего маленького, теперь, благодаря последнему акценту, это становится уже невозможным, поскольку противопоставляется два слова: диалектное *de Semmeln* во мн.ч. и диалектное с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-erl Semmerln*, также во множественном числе. Далее в тексте сказки следует нагромождение существительных с суффиксом *-erl*:

Schneewittchen hod ghungert und dürscht, owa sie hod vo jedem Tellerl bloß a kloans Bröckerl gessn und vo jedem Becherl bloß a Schlückerl trunka, so nett war de. Dann wollt sie sich hilegn, weil sie war stoamiad. Owa koans vo de Betterln hod so richtig passt, sie hod alle probiert. Gottseidank war dann des letzte Betterl ok, sie hod sich einelegt und is glei eigschlaffa.

Da erste hod gsagt: „Ey, wer is aaf mein Stuhlerl gessn?“

Da zwoate hod gsagt: „Zenalln, wer hod vo mein *Leberkaaserl* obissn?“ Da drine: „Ja genau! Und vo mein *Semmerl* hod aa wer obissn!“

Da vierte: „Und vo mein *Radieserl* aa!“

Da fünfte: „Und wer hod mit mein *Gaberl* gstocho?“ Da sechste: „Und mit mein *Messerl* gschnittn?“

Und da siebte: „Und wer hod vo mein Weißbiererl a Schlückerl trunka?“

Oaner hod bläder gschaut wia da ander, weils null Ahnung ghabt hamm, wos do los is und wer des war. Und wias gespannt hamm, dass *de Betterl* aa no benutzt warn, warns fast scho a bisserl grantig.

Owa dann hamms des Schneewittchen im *Betterl* liegen seng [Lauerer, 2018, с. 12].

Употребление этих существительных (выделены нами курсивом – В.М., Н.Н.) создает сказочную атмосферу почти игрушечного пространства, в котором живут гномы. На то, что это сказка предназначена для взрослых, указывает существительное *Weißbiererl* (*Weißbier*) белое пиво, которое пьют гномы.

В сказке «Schneewittchen» присутствует эпизод, момент, когда гномы влюбляются в спящую Белоснежку:

Oaner hod gsagt, i glaub, es war da vierte, eventuell aa da dritte: „Ja Bluat vo da Sau, schaut de guat aus!“ *Is jetza ned grad a romantischer Ausdruck, owa er war einfach total weg, weils so schee war, des muassma versteh* (Lauerer, 2018, с. 12).

В качестве метаязыкового комментария повествователь делает акцент на стилистическом оформлении речи гнома. Диалектное выражение „Ja Bluat vo da Sau, schaut de guat aus!“ (буквально: кровь как у поросенка, приблизительно соответствует русскому «кровь с молоком») не является по оценке повествователя романтическим. Диалектный комментарий оправдывает гнома, который «совершенно потерялся» (взволновался), «и это нужно понимать», добавляет повествователь.

Чуть позже вновь появляется эта фраза: „Ja Bluat vo da Sau!“, hod da dritte (*oder da vierte?*) Zwerg wieder gsagt, des war anscheinend sei Lieblingsausdruck [Lauerer, 2018, с. 13].

Её появление сопровождается метаязыковой комментарий, в котором говорится, что фраза представляет собой, вероятно, любимое выражение гнома. Sei (sein) Lieblingsausdruck – притяжательное местоимение употреблено на диалекте, а существительное дано на литературном языке, т.к. лингвистические термины в системе диалекта отсутствуют.

Внимание к стилистическому оформлению речи встречается и в следующем примере из анализируемой сказки:

Sie hod an Kamm vergiftet, so an drumm Kamm für extra lange Hoor, weil's Schneewittchen hod Hoor ghabt, fast bis zu de Nieren owe (*eigentlich bis zum Orsch, owa i wollt ned ordinär wern*) [Lauerer, 2018, с. 15].

Описывая длину волос Белоснежки, повествователь употребляет выражение – fast bis zu de Nieren (почти до почек), а в скобках указывает bis zum Orsch (Arsch), используя грубое диалектное слово, литературный эквивалент тоже имеет грубую стилистическую окраску. Нежелание использовать грубое выражение, которое, тем не менее, появляется в скобках, создает юмористический эффект. Он возникает, с одной стороны, вследствие того, что повествователь применяет грубое слово Orsch, с другой стороны роль играет содержательный момент, то есть по указанию на почки, представляющие собой внутренний орган, сложно определять длину волос.

Приведём ещё одно метаязыковое рассуждение о ругательстве королевы, вновь услышавшей от зеркальца, что не она самая красивая в королевстве. Бранное слово было реакцией на то обстоятельство, что падчерица жива, а третья попытка свести с ней счеты вновь не увенчалась успехом, поэтому повествователь воздерживается от того, чтобы привести это слово в тексте.

Dann hod de an Fluach aussaghaut, *der war so gotteslästerlich, den kann i gar ned schreim, ehrlich* [Lauerer, 2018, с. 20].

Он объясняет это на диалекте, что он не может его даже написать (den kann i gar ned schreim), в связи с тем, что ругательство это gotteslästerlich, литературный эквивалент означает, что проклятие это является богохульным. В диалекте отсутствуют абстрактные понятия из разных сфер, в том числе и религиозной сферы, поэтому повествователь и прибегает для объяснения к литературному слову.

Рассуждения о ругательствах находим и в сказке Т. Лауэрера «Tischlein, deck dich!» (Столик, накройся!)

Dann hättst amal hörn solln, wia alle den Schorsch ausglacht hamm, de san ganz aus dem Heisl gwen vor lauter lacha! Mit de Finger hamms aaf eam hideit und ganz schlimme Wörter hamms zu eam gsagt, „Knalldepp“, „Liagnbeidl“, „Dregaff“ und „Dummfotzn“ warn no de harmlosesten, de andern mog i gar ned schreim! [Lauerer, 2018, с. 88].

Баварский словарь Руперта Франка дефинирует слово *Knalldepp* следующим образом: einfältiger, ungeschickter Mensch, Tölpel, Dummkopf (глупый, неловкий человек, дурак) [Knalldepp, s.a.].

Liagnbeidl is oana, dea wo dauand liagn duat – человек, который постоянно врет²⁹.

Также здесь употреблены два бранных слова на литературном языке – Dummfotzn (придурки) и Dregaff (осадок).

После того, как Жорж отдал приказ столику накрыться, тот вдруг его не выполнил. Все стали потешаться над Жоржем, смеялись, выходили из себя. Они показывали на него пальцем и говорили ужасные слова, повествователь перечисляет лишь самые безобидные: два из них на литературном немецком, два – на баварском диалекте. Остальные, заявляет повествователь, он не может написать.

Итак, в двух сказках написанных на баварском диалекте, читатель получает метаязыковую информацию о том, что диалект располагает некоторыми бранными словами, эмоциональное воздействие, а, возможно, и агрессивный заряд которых настолько велик, что они не могут быть приведены автором в письменном виде.

Заметим, что существует несколько словарей бранных слов, например, берлинские, баварские, пфальцские и т.д. Приведем цитату из введения (оно во всех словарях одно и то же): Heute schlagen wir uns täglich mit jener kalten, technokratischen Hochsprache herum und vermissen den Trost des Dialekts. Weil er doch zärtlicher und obszöner, brutaler und zugleich authentischer ist [Dirty words..., 2001, с. 7].

Здесь противопоставляются литературный немецкий (его характеристики – холодный, высокопарный, технократический язык) диалекту (его характеристики – более нежный и непристойный, более жестокий и в то же время более подлинный).

В сказке Т. Лауэрера «Das tapfere Schneiderlein» (Храбрый портняжка) рассказывается, как храбрый портняжка при встрече с великаном во время их импровизированного состязания обманул его. Великан сжал изо всей силы камень и выдавил из него 2-3 капли воды. Портной достал старый кусочек сыра из кармана, который тоже выглядел как камень, потому что был серого цвета. Портняжка сжал его, и из него буквально брызнул сок. И тут следует реплика главного героя:

„Do schaut, ha?“, hod's Schneiderlein gsagt, „do hauts dir's Ventil aussa ausm Pneu!“ *Pneu, so hodma früher zum Reifen gsagt* [Lauerer, 2018, с. 70].

«Что ты уставился?» – спросил портняжка – это вылетел вентиль из шины (он приводит французское слово Pneu, так раньше называли Reifen (шина), он семантизирует французскую лексику при помощи немецкой литературной лексики). Каркас предложения остается при этом диалектным.

²⁹ *Liagnbeidl*. Bar.wikipedia [Electronic resource]. – URL: <https://bar.wikipedia.org/wiki/Wikipedia:Hoamseitin> (accessed 2.02.2023)

Сравнение с шиной (слово отсутствует в диалекте, поскольку автомобили и его составляющие – это артефакты современной действительности) появилось значительно позже, чем возник языковой слой диалекта. Иноязычное вкрапление на фоне диалекта должно соответствовать эффекту неожиданности от произведенного портняжкой действия, а именно – выжиманию сока из «камня», что должно свидетельствовать о большой физической силе портного. Заметим, что большинство вкраплений в сказках на диалекте – это англицизмы, они же никогда не семантизируются повествователями. И это обстоятельство вновь объединяет немецких авторов, пишущих на диалекте, с лингвистами. Цитаты на английском не переводятся в лингвистических научных работах, т.к. априори предполагается, что они должны быть понятны всем читающим. По всей вероятности авторы сказок руководствуются тем же самым предположением.

Заключение

Сказки – это короли, принцы и принцессы, драгоценности. Немецкие авторы, пишущие на диалекте, любят их, словно сказочным сокровищем, высвечивают в современных сказках для взрослых особенно ярко отдельные диалектные слова. Авторы сказок, выступая в роли повествователей, показывают читателю необычные грани диалекта в сказочном повествовании, его редкие особенности, тем самым сберегая его для новых поколений. Роль метаязыкового комментария обычно поручается повествователю, который в лапидарных по сути формулировках зачастую словно лингвист (научно, по-деловому) уточняет значение диалектного слова или особенности его употребления. Иногда он делает это эмоционально-поучительно. Словообразовательные моменты и стилистическая окраска диалектных и литературных слов также часто попадают в сферу внимания современного автора, пишущего на диалекте. В современных сказках для взрослых на диалекте особенно часто задействованы метаязыковые моменты и метакоммуникация, поскольку взрослые читатели обладают метаязыковой компетенцией. Не остается без внимания и большой потенциал лексики с негативной семантикой, используемой авторами в качестве разнообразных, изощренных ругательств, которые не всегда могут быть приведены в тексте сказки из-за грубой стилистической окраски или их агрессивного характера. Возникающий при этом юмористический эффект поддерживает юмор, который заложен в самом содержании веселых современных диалектных сказок, при помощи средств сатиры и юмора и средств образности, также служащих для создания комического эффекта. Таким образом, диалектная сказка для взрослых – это весёлая сказка с элементами пародии, повествователь очень внимателен к языку и отдельным формам его существования. Он осознанно создаёт метаситуации, чтобы коммуникация в сказке была успешной, а в сказочную атмосферу зачастую вплетается реальный мир. Языковая реальность, взятая под лупу повествователем, выбивающаяся из сказочного повествования, интерпретирует, объясняет

(часто с юмором) и связывает сказочный и современный миры. Эта языковая самооценка, критика, а иногда и самолюбование абсолютно уместны в данном текстотипе, поскольку в сказке вероятно всё, в том числе и переплетение старины и современности, языковая мозаика и скрупулезные языковые наблюдения.

Библиографический список

- Александров О. А.* Народно-разговорная речь российских немцев в Томской области на уровне социолекта и идеолекта: аспекты описательной и перцептуальной диалектологии. Автореф. Дис....д-ра филол.наук. 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика. Томск, 2022. 42 с.
- Антонова Н. А.* О понятиях эквивалентности перевода художественного текста. Семья. Государство. Общество: сб. науч. ст. М.: Чебоксары, 2009. С. 19-20.
- Волкодав В. А.* Метаязыковая аспектность художественного текста (на материале прозы Ф.М. Достоевского). Дис....канд филол.наук. 10.02.19. Общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика. Краснодар, 1998. 195 с.
- Гвишиани Н. Б.* Метаязык // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 297-298.
- Лексические трудности русского языка: словарь-справочник: ок. 13000 слов / А.А. Семенюк (руководитель автор. коллектива), И. Л. Городецкая, М. А. Матюшина и др. М.: Рус. яз., 1994. с. 436.
- Никифоров А. И.* Сказка, ее бытование и носители / В кн.: Капица О. И. Русская народная сказка. М.: 1930. 512 с.
- Пронн В. Я.* Русская сказка. М.: Лабиринт, 2000. 416 с.
- Фатина Н. С.* Метатекстовое толкование слова как элемент структуры художественного текста. Автореф. дис....канд филол. наук. 10.02.04 / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб, 1998. 17 с.
- Bechstein L.* *Das Märchen von den sieben Schwaben*. Rulit [Electronic resource]. – URL: <https://www.rulit.me/books/579257-read-579257-3.html> (accessed 29.01.2023).
- Dirty words pälzisch*. Freiburg im Breisgau: Belchen Verlag GmbH, 2001. 91 S.
- Fodderwestje F.* (2017). Dornrösche un de böse Froschkönisch... un annere grimmische Märjschegeschischde uff Hessisch, die wo lusdisch sin. Frankfurt am Main, Epubli. 272 p.
- Herbst – Hirscht*. Deutsch-bairisch [Electronic resource]. – URL: <https://deutsch-bairisch.de/> (accessed 2.02.2023).
- Knalldepp*. Academic [Electronic resource]. – URL: <https://bavarian.deacademic.com/searchall.php?SWord=Knalldepp&from=de&to=xx&did=bavarian&stype=> (accessed 2.02.2023).
- Lauerer T.* (2018). Das tapfere Schneiderlein. *Die schönsten Grimms Märchen auf Bairisch*. S. 68-79.
- Lauerer T.* (2018). Hansel und Gretel. *Die schönsten Grimms Märchen auf Bairisch*. S.34-43.
- Lauerer T.* (2018). Tischlein, deck dich. *Die schönsten Grimms Märchen auf Bairisch*. S.80-94.
- Lauerer T.* (2018). Schneewittchen. *Die schönsten Grimms Märchen auf Bairisch*. S.8-20.

References

- Alexandrov O. A.* (2022). Folk-colloquial speech of Russian Germans in the Tomsk region at the level of sociolect and ideolekt: aspects of descriptive and perceptual dialectology. PhD Dissertation Abstract. Tomsk. 42 p. (in Russian)
- Antonova N. A.* (2009). On the concepts of equivalence of translation of a literary text. *Family. State. Society*: collection of scientific articles: 19-20. (in Russian)

- Bechstein L. *Das Märchen von den sieben Schwaben*. Rulit [Electronic resource]. – URL: <https://www.rulit.me/books/579257-read-579257-3.html> (accessed 29.01.2023).
- Dirty words pälzisch*. Freiburg im Breisgau: Belchen Verlag GmbH, 2001. 91 S.
- Fatina N. S. (1998). Metatextual interpretation of words as an element of the structure of a literary text. PhD Dissertation Abstract. St. Petersburg. 17 p. (in Russian)
- Fodderwestje F. (2017). Dornrösche un de böse Froschkönisch... un annere grimmische Märjschegegeschischde uff Hessisch, die wo lusdisch sin. Frankfurt am Main, Epubli. 272 p.
- Herbst – Hirscht. Deutsch-bairisch [Electronic resource]. – URL: <https://deutsch-bairisch.de/> (accessed 2.02.2023).
- Gvishiani N. B. (1998). Interlingua. Big encyclopedic dictionary. Linguistics. Moscow, the Great Russian Encyclopedia. pp. 297-298. (in Russian)
- Knalldepp. Academic [Electronic resource]. – URL: <https://bavarian.deacademic.com/searchall.php?SWord=Knalldepp&from=de&to=xx&did=bavarian&stype=> (accessed 2.02.2023).
- Lauerer T. (2018). Das tapfere Schneiderlein. *Die schönsten Grimms Märchen auf Bairisch*. S. 68-79.
- Lauerer T. (2018). Hansel und Gretel. *Die schönsten Grimms Märchen auf Bairisch*. S. 34-43.
- Lauerer T. (2018). Tischlein, deck dich. *Die schönsten Grimms Märchen auf Bairisch*. S. 80-94.
- Lauerer T. (2018). Schneewittchen. *Die schönsten Grimms Märchen auf Bairisch*. S. 8-20.
- Lexical difficulties of the Russian language*. (1994). Moscow, Russian language. 586 p. (in Russian)
- Nikiforov A. I. (1930). Fairy tale, its existence and carriers. In book Kapitsa O. I. Russian folk tale. Moscow, p. 7. (in Russian)
- Propp V. Ya. (2000). Russian fairy tale. Moscow, Labirint. 416 p. (in Russian)
- Volkodav V. A. (1998). Metalanguage aspect of a literary text (based on the material of F.M. Dostoevsky's prose). PhD Dissertation. Krasnodar. 195 p. (in Russian)